

В. П. Пустовит
ПИСЬМА В. И. НАУМЕНКОВА
КАК МАТЕРИАЛ К ТВОРЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ ПОЭТА

Познакомился я с ним 2 апреля 1964 г. Мы сразу же подружились. И оставались друзьями до самой его кончины 23 апреля 1995 г. Сколько за эти десятилетия переговорено, переспорено о поэзии, искусстве, русской и советской истории, судьбе нашего народа! Порою споры были до того горячими и острыми, что домашние на другой день глазам не верили, найдя нас мирно беседующими за одним столом.

Владимир Науменков был оригинально мыслящим и тонко чувствующим русским человеком. И очень талантливым поэтом. Почти все годы нашей дружбы мы прожили в одном городе – Петропавловске-Камчатском. Переписывались редко.

Так было в конце 1960-х, когда я работал на западном побережье полуострова, а он – на восточном. Писал он мне и в армию в 1970 г. Письма с московским штемпелем относятся к той короткой (всего полгода) поре, что позволила поэту лучше понять Камчатку и уже больше никогда – что бы ни случилось – не помышлять о том, чтобы её покинуть навсегда. Разве что на время, – слетать в отпуск на Курщину, где родился...

Большинство писем Владимира Науменкова ко мне приходятся на молодые годы. Перечитывать их сейчас грустно. Но и целительно. Все они какие-то светлые, хотя жизнь его была несладкой. Как

у каждого настоящего поэта. В моём материале содержится часть писем В. Науменкова (одни целиком, другие в сокращении) с комментариями и выдержками из воспоминаний людей, хорошо знавших Владимира Ивановича; в одном месте приводятся его стихи.

Поэт В. Науменков приехал в Олюторский район, что называется, «с волчьим билетом»: бывшим офицером ВМФ, уволенным в запас по служебному несоответствию, чему предшествовало исключение из КПСС. Туда, куда занесла его судьба после службы, доходили слухи, что всё это — расплата за политические стихи. Уточним с помощью протокола парткомиссии при политотделе в/ч 62695: «за элементы безыдейности в поэтическом творчестве и искажение советской действительности в отдельных стихах» (1).

Приехав на Север в июне 1967 г., поэт первое время жил в пос. Корф. Оттуда мне и пришло несколько писем. «Корф как Кафка, — писал 3 июля мой друг, не пропускавший обычно ни одной более-менее значительной новинки в книжном мире. — Пыль и белые ночи. Ещё не работаю. Жаль, что нет тебя. Люди — ушлые на предмет водки, которой в недостатке, на другие предметы — не особенно. Природа — угрюмство и несуразность рациональной жизни. Но настроение отходит постепенно. Но для ухода в себя здесь условия нормальные, правда, слишком тихо».

Тихо, потому как никто не донимает, не лезет в душу, и снова он у моря, которое полюбил ещё матросом на Балтике. И никакая не помеха, что рядом аэродром — «самолёты гудят когда и не надо было бы». «Документов ещё не получил. Живу по справке».

В. Науменков понимал, что наша переписка перлюстрируется компетентными органами:

«Письма — не tet-a-tet, всего не скажешь, поэтому пусть будут письма письмами. В моём подъезде живёт Алла — Витькина жена. Утром, т. е. на следующий день его приезда, я вдруг его встретил — был поражён. Он рассказал о тебе, о Сане».

Виктор Новокрещёнов учился на последнем курсе иняза Камчатского пединститута и был в городе непременным участником наших антисоветских «сходок» в доме по ул. Фрунзе, № 86 у моего школьного друга, прозаика и философа Александра Филимонова.

Читаю дальше Володино письмо: «Я сижу и делаю примочки. Руки обжёг при тушении пожара, слушаю радио и газетки листаю и ни о чём не мечтаю, кроме, как бы руки быстрее заросли и пойти работать».

Этот случай нашёл обобщение в главе «Красные кресты» из задуманной им ещё на службе поэмы «Арена свободы».

Не дотянуться мне до строчки,
до радости сердечных мук —
сижу и делаю примочки
в боренье обгоревших рук.
Мой пирс, колышим синим пламенем,
вдруг от участия обомлел —
накат пошёл на берег плавно,
волною помогая мне.
Но отражалось в том накате
моё лицо недоброй миной.
Ужели откровенью платят
ожогами необратимыми.
По тёмно-красному плацу
неслись малиновые лыжники —
то стлалось пламя по лицу,
грозась меня из тела выжить (3).

Что же это был за пожар, породивший у автора посредством физических страданий столько поэтических ассоциаций? В. Г. Новокрещёнов, ныне преподаватель английского, немецкого и французского языков в лицее г. Нягань (Ханты-Мансийский автономный округ), рассказывает: «Однажды мы зашли в столовую в Корфе. Зал и кухня с плитами за стойкой – всё открыто. И вдруг у поваров что-то на плите вспыхнуло огромным пламенем, чуть ли не до потолка. Володя не растерялся: сбросил свой пиджак и им тушил огонь при изумлении всех окружающих...» (4).

В том же письме, датированном 21 июля 1967 г., Владимир Науменков просит прислать сборник ленинградского поэта В. Сосноры «Триптих», новые стихи Е. Евтушенко. P. S. явно для тех, кто вскрывал наши письма: «А за прошлое я спокоен, я уже сверхнаказан и даже в нём разочарован, и повторений не хочется».

Но между письмами от 3 и 21 июля было ещё одно, его по прошествии лет я вернул автору. Там был первый вариант «Северного привала», который у Науменкова куда-то затерялся. А ведь именно с этого произведения началась творческая жизнь поэта на новом месте. 22 июля 1967 г. олюторская «районка» опубликовала «Северный привал». Потом появилось много других стихов. Газета печатала их регулярно. Но к первому стихотворению, написанному на севере Камчатки, отношение поэта было всегда особым: я бы сказал, трогательно-нежным.

В следующем письме, полученном мною в сентябре 1967 г. уже в пос. Кировском, куда я после окончания КГПИ приехал школьным учителем, Владимир сообщал, что рад моему «нормальному (в принципе) устройству и ещё тому, что благополучно высадился» на берег. Перед отъездом из Петропавловска я отправил в Корф по случаю тридцатилетия своего друга огромный, красочно иллюстрированный фолиант – поэму «Пан Тадеуш» с надписью, посвящённой Пушкину, Мицкевичу и Науменкову. Завершали её такие строки:

Поэт из Курска и поэт из Львова,
преемники их славы и огня,
да будет наше праведное слово
Михайловским изгнанием сиять!
Да будет бой, когда пробило 30,
когда ожоги – плата за любовь.
Свободы меч вонзается в патрициев,
но Спартака на плиты льётся кровь.

Бандероль, видно, несколько припоздала, однако сильно растрогала Володю: «Подарок твой шикарен! Особенно твои стихи. Спасибо, друг. Стихи Толика (Анатолия Санькова. – В. П.), по-моему, нормальные. Вот, Валя, пока всё. Ну, бывай! Стихов потом ещё пришлю. Да, посылаю также новые стихи Н. Зайцева. Он защищает диссертацию. Салют тебе и успехов в работе».

Следует добавить: расставаясь в 1970 г. с Севером, поэт передал фолиант в Олюторскую районную библиотеку, вот только не удержался, чтобы не оставить себе на память стихотворную надпись.

Пятое письмо от В. Науменкова пришло в пос. Кировский в декабре. «Здоров, Валюха! Наконец у меня состоялось. 4 октября я уже был машинистом гравировальной машины районной газеты «Заря коммунизма». И работая корреспондентом, 120 р. оклад, 5 ноября вынесли мне благодарность с записью в трудовую книжку и перевели в литсотрудники, 140 р. оклад. С 15 ноября назначен зав. производственным отделом (оклад выше, но не знаю какой). В газете меня встретили тепло. Курс найден верный. Работа нравится. Сплошные командировки. Пишу из Пахачей. Почти сделал книгу

стихов «От кочевья к кочевью». Десятка три стихов (большинство родилось здесь) плюс «Арена свободы», несколько раз уже переработанная, и плюс новая поэмка «От кочевья к кочевью», почти уже готовая. Командировки дают много интересного. Пурги выбили хандру: только твори. От политической шелухи ушёл: тундра могуча. Адрес мой прежний – корфский. В Тиличиках нам с мамой дают отдельную квартиру – газета там. Вот тебе и «гражданка»!

Зиму отвожу для Грозного. Это будет драматическая поэма. В новую книгу стихов ввожу отрывки из неё. Думаю пару циклов послать в Хабару Паше Халову для «Молодого дальневосточника». А в Питер (Петропавловск-Камчатский. – В. П.) пару стихов послал, жалею об этом, больше не буду слать. Потом появимся с чемоданами. Здесь буду неделю, потом на неделю двину в Апуку».

В следующем письме Володя был краток: «Валюха, прибыл из командировки. Всё в норме. Теперь надо выдавать строчки. С Новым годом тебя, друг мой – пусть он будет светлым боевым. Стукнемся через полуостров. Как твои дела? Не ругайся за малочисленность писем. Твоими письмами я живу, да ещё Зайчиковыми, да ещё Струтинских. Вот так! Ну, бывай! Пиши. Жду. Владимир. 22 декабря 1967. Да здравствуем мы!»

Перебравшись с матерью Ольгой Фёдоровной в райцентр, В. Наumenков внёс освежающую струю в культурную жизнь Тиличик, хотя они не являлись вовсе каким-то «глухим углом»: интересных людей, в основном романтиков, тогда на Севере было немало, они умели не только хорошо, по-настоящему творчески работать, но и сообщать отдыхать. Это – слова близкой знакомой поэта Валентины Павловой. Она говорила о нём: «Всё село приобщил к поэзии, даже моя младшая сестра, которая до того стихов вообще не читала, увлеклась, правда, Асадовым. Стал устраивать вечера поэтические. Читал стихи на этих вечерах, а читал он необычно-разгорячённо, было такое ощущение, что слушаешь музыку: так хорошо.

И вообще он был не такой, как все, в нём была какая-то нежность, глаза необыкновенные – смотрел понимающе, никогда ни о ком плохого не говорил, никого не судил, абсолютно не было пошлости. Чистый человек. Природу он воспринимал... Как будто слился с ней. Столько восторгов было. А наше село, то ли место такое: столько любви, и с тундры пахло багульником, запах такой пьянящий; я сама с трудом уехала оттуда» (5).

О любопытном эпизоде сообщает В. Новокрещёнов: «Он говорил: поэзия кругом, надо только видеть. Осенью 1968 г. были мы с ним на косе в Тиличиках, там вдоль побережья шла тропа на Пахачи. Отдыхая недалеко от той тропы, увидели двух девушек, что направлялись домой в Пахачи. Одну я узнал, Машу из нашего институтского общежития. Сказал Володе: надо же, здесь, в пустынном месте, встретить знакомую. Я обрадовался встрече, но разговор был кратким, так как девчата торопились. А вскоре мы обратили внимание на ворона, что кружит над скалой. Присмотрелись: на скале его подруга с подбитым крылом не может взлететь – а он всё кружит и кружит. Володя говорит: “Твоя встреча – ерунда. А вот посмотри на ворона – вот она, поэзия, вот образы!”» (6).

22 октября 1968 г. В. Наumenков писал мне из командировки в Усть-Пахачи: «Думал, успею в отпуск до праздника. Но теперь вряд ли. Здесь, гадство, холодно, ветер шпарит. Дела мои двигаются потихоньку». Что он имел в виду? Начатого тогда там и продолженного в бухте Наталии «Одноплечего» (про полуволок, вожака собачьей упряжки)? Или «Балладу об ушедшем олене»? Который во время забоя, снеся «препятственности все на невозможно-красной полосе», ушёл от неминуемой гибели в тундру.

«Но здорово здесь сейчас стал скучать – “пессимизма” стала вселяться. Числа 25–26 буду в Тиличиках. Если успею всё выдать, до праздника, то к 7-му вырулю в Питер. Приготовь там пивка бутылец». Не успел, видимо. Так мы с ним в Петропавловске и не отметили моё 24-летие.

Зато в следующем году свой первый трудовой отпуск я решил провести у друга на Севере.

Володя писал, что рад будет видеть меня в Тиличихах. И в письме, пришедшем следом за этим, беспокоился, не передумал ли я приехать в его обитель. Я гостил у него осенью 1969-го недели две, наверное. Познакомился с окружением поэта: экономистом Толей Алаторцевым (о, как замечательно он пел!), с Володиными коллегами – журналисткой Зиной Кузнецовой и её мужем фотокорреспондентом Сашей Максименко. А с прозаиком Женей Лаптевым я был знаком по областным (1968 г.) курсам повышения квалификации журналистов. Несколько раз разговаривал с медработником Валею Павловой. Вот такой компанией мы ездили «на кондёр». На природу то есть. Разожгли костёр, сварили уху, пили разведённый спирт, читали стихи, говорили «за жизнь», спорили. Был с нами и редактор В. М. Костин, принявший на работу опального поэта и ценивший его талант. Редактор несколько не важничал, держался просто, показался мне интересным собеседником; чувствовалось, что его в редакции (и не только там) уважают.

Пройдёт много лет, и бывший начальник Науменкова окажется у него в подчинённых. Володя будет в «Камчатской правде» и. о. ответственного секретаря, а В. М. Костина под занавес перестройки назначат его заместителем. Чего только не случается в жизни... В областной газете Владимир Михайлович Костин выполнял, помимо своих прямых обязанностей, работу творческую, «для души»: периодически писал фельетоны на актуальные темы.

...В начале 1970-го В. Науменков распрощался с Севером. Я в то время служил в Имане (Приморье). В письме поэта от 10 апреля было много грустного. «Долго не писал тебе – не было смысла, так как в моём положении отсутствовала конкретность. Не могу пока найти работу. Дело дрянь. Рассчитался я в районе 2 февраля. Выехали с Женей Лаптевым 21 февраля. Недельку в Питере вместе. Потом он уехал в Сковородино (около Хабары). Там его родичи. А меня отговорили уезжать. Вот с тех пор я и обитаю в Питере. Мест в редакциях нет. А твёрдая специальность тоже отсутствует у меня. Воробьёв с Козловым (редактор «Камчатского комсомольца» и его заместитель. – В. П.) раздумывают: брать ли меня к себе завхозом. Вот такие дела, Валюха. В городе мне до того неуютно, что хоть волком вой. Но ещё не прописан, не на воинском учёте и без дела.

Жизнь пишущей братии следующая. Появилась масса начинающих поэтов – представляешь! Мне и делать нечего среди них. В «Комсомольце» стихами ведать некому. Треумова заправляет. Принёс я два. Она вертела-вертела в руках и говорит: здесь размер не выдержан, здесь рифма не та... находок нет. Берёт ручку и хотела несколько строк выбросить. Не выдержал я. – «Пока я хозяин этих листков», – говорю, и сунул в карман. Учредили премию Комсомола... Присудили Поротову. Власов говорит о дипломной работе и о женщинах, но больше о последних и выманивает у меня Шаталовские записки и легенды. Приехал из отпуска и кричит: «В союзиздате 50 тысяч (тираж. – В. П.) выходит моя книга...» Заполучил у Иг. Ринка рецензию на одном листе. В листе прописано о подаваемых надеждах.

Чёл [читал] «День Поэзии» 69 г. Почти сплошная дидактика. Вознесенский в тоске и деградации. Кидаёт трюки вокруг себя и напускает дыму. Низкопробные критические статьи о поэзии прошлого десятилетия и будущего. Раскусил Соснору – историзм поверхностный. Мои куски из «Грозного» полнокровнее и реальнее. Так что я утешаюсь единственным – пока в этой теме я король.

Устроюсь на работу – возьмусь за прозу: в повестишке столкну современника с Шаталовым. Черкни мне свои пожелания – я их введу в строки; да и «Грозного» хочется закончить. Ты знаешь, замыслы изменились у меня – царь будет и двор будет, только больше будет народных обычаев, поверий, праздников и прочего из быта и культуры Руси. Но это планы – весь вопрос в том – под силу ли мне всё это – думаю, но не знаю. В общем хочется сделать драму жизни. Вот пока всё, мой друг – солдат всея Руси. Ты бы выдал Дневники, знаешь, подробные, с бытом, с мыслями, с обобщениями – это интересно будет для читателя и для тебя».

Дневники я вёл с первого дня службы. Но скоро понял, что они не только «не проходные» – их

содержание само по себе компрометирует Советскую армию, хотя никаких выводов или комментариев там нет и в помине. Чтобы они не попали в руки политработников или особиста, я хранил их сначала в тайнике на территории части, а перед «демпбелем» вне её.

В мае 1970 г. армейский почтальон вручил мне более оптимистическое послание Володи. «Я устроился в “Камчатский комсомолец”, но пока не на должность литсотрудника. Но пишу, работаю за литсотрудника». Ему было, видимо, неловко говорить, кем он там числится, он думал, что это временно – месяц, два... Газетчик с 8-летним стажем, член СЖ СССР В. Наumenков занимал должность... курьера полтора года. С соответствующей зарплатой. А гонорары тогда везде в местных газетах были маленькими. Поэт бедствовал. Однако духом не падал.

«Стихов особенных нет. Создаю прозу. Но она идёт со скрипом и медленно. Евтушенко я достал. Тебе попробую. Купил Альбера Камю – французский лауреат Нобелевской премии. А в основном беру уроки у М. Лермонтова (в прозе). Он могуч. Прочитал ещё Отчелашека. Да штудирую Достоевского. Он и Лермонтов: вот откуда я хочу начинать путь в прозу. К ним прибавлю Платонова – всё. Учителей ведь выбирают добровольно. Правда, на меня будет влиять, видимо, и ещё масса имён.

Тяжко, Валя, мне сейчас материально. Около трёх месяцев я же не работал, но, думаю, как-нибудь перебьюсь. Так вот пока живу. Больших перемен вскоре не предвидится. Года три в Питере я думаю пробыть и проработать основательно».

В армию В. Наumenков прислал потом ещё 6 писем. Датированы они июнем-ноябрём. Он в то время много читал русских и зарубежных авторов, изучал литературу о Пушкине. («Чтение даёт мне жизнь».) Проза у него самого «застопорилась – с сюжетом не ладится. Это дело мною ещё не разработано. Я ведь с этим особенно не сталкивался. Но буду делать всё по-своему, как понимаю, как получится».

16 августа 1970 г. Владимир Наumenков писал: «Ничего не уходит, Валюха, коту под хвост. Всё нормально. Журнал тот я, естественно, читал (7). Перебирал свои “творения”. Около 60 стихотворений выдержали мой взгляд сегодняшнего глаза. Живу понемногу. Материально, правда, придавлен сильно. Вчера Саньков приезжал ко мне. Посожалели, что тебя нет. Потом ездил к нему. Родичи его в отпуске. Отчима не было».

Через несколько лет я переселился в саньковский дом и жил там довольно долго. Ю. А. Щепоткин, отчим Анатолия, впрочем, как и мать его Прасковья Павловна и сестра Наталья, вошли в одно из лучших стихотворений В. Наumenкова «Барьер времени», а единственное четверостишие, сочинённое Юрием Алексеевичем, стало эпиграфом к моей повести «Солнце изнутри».

29 сентября 1970 г. поэт отправил мне такое письмо: «Достал себе стол и кресло. Теперь в углу имею поэтический ринг. Но стихов после “самолёта” (“Барьер полёта”. – В. П.) нет. Прозы тоже мало. Но, по-моему, к счастью, душевное дело стабилизируется. Иногда даже похаживаю на фильмы. Как-то гутарили с Толей. Я предложил посадить Власова на “чепь” и прогонять перед ним красивых девушек. А Толя относительно тебя изрёк следующее пожелание: “Построил бы перед его домом стадион...” – “Так Валюха обходил бы его зигзагом”, – заметил ему. “Ничего, привыкнуть можно...” – его заключение. Но это я так – преддемобилизационная шутка. Саньков упорен. В областных соревнованиях участвовал – стрельба, граната, одевание противогаза, бег 1 500 метров; после всего ещё бегал кросс за УТРФ на километр. Вот все новости. Незамутнённых дней тебе в конце службы».

До службы я, как и А. Саньков, работал в рыбацкой многотиражке «За высокие уловы». Пока я служил, «Уловы» разбежались, сообщал мне Володя. «Мало у них перьев сейчас». О себе – вскользь: «У меня всё потихоньку. Шукшина читал. Но очень бегло. Ну что ж, он ничего пишет, парень упорный».

В мае 1976 г. обстоятельства вынудили В. Наumenкова переехать в Москву, где живёт его первая семья. Спустя месяц от него пришло письмо.

«В Москве сразу почувствовал полную незащищенность. Но это, видимо, не так. Был у ребят в литинституте. Посетил на Таганке «Обмен» Трифонова. Ходил в музей Маяковского, он открыт третий год, просторный, но комната, где он застрелился, маленькая – 11 кв. м. Рассматривал домик Тургенева. Его реставрируют таким же, как и был – рубленным, и прочее...

Эту трифоновскую повесть я не читал. Студенты мне достали билет, и я посмотрел, что это такое. В общем, как при Шекспире. Всё условно, без смены декораций и без перерыва с 7 до 9–15 умирает мать, остальные делят квартиру, в которой и происходит действие.

В игре актёров я не особенный знаток, но всё так сделано, что получается, все действующие лица отрицательные и устремления всех направлены на предмет этой квартиры, будто с ума все посходили. А мать смотрит на весь этот бедлам и не знает – то ли ей умереть поскорее, то ли смириться с ними такими, какие они есть.

Покидал я театр в подавленном состоянии. И всё это в принципе не особенно мне понравилось. Хотя вокруг театра стоит крик: «Нет билетка, нет билетка?» А вот как они сделали программку – в этом что-то есть. Весёлая такая программка. Я и посылаю её на Ваше обозрение. Правда, один герой мне понравился – Маклер. Он так раскошегарил весь этот процесс, что вверх в обмен полтора десятка семей. Так в процедуре обмена одной материнской комнаты должны съехать со своих мест и переехать в другие целые пять десятков людей. А фактически, если где-то застопорится, сорвётся что-то, то весь этот обмен накроется: весёлая затея. Маклер так действовал, что всех одурачил и готов одурачить, если не всю Москву, то половину. Вот тебе Таганка».

Второе письмо 1976 г. пришло в августе из с. Банищи Льговского района Курской области, когда поэт гостил у матери Ольги Фёдоровны и отчима Я. Ф. Лупильщикова. «Наконец я повидал Толиковы края! – писал В. Науменков, навестив А. Санькова на Орловщине. – Ехал наугад – мог дома не застать, но мне повезло. Хороша наша земля, её вечерние деревни (я добирался неправильно и шёл километров 15, но с удовольствием шёл один, совершенно без поклажи). В конце пути меня ждала бабушка у своей маленькой хатки со сплетёнными на фартуке руками. Толя ждал меня, но был на ягодах. У него твёрдая и ясная жизненная линия, как и его тихая и уютная деревенька Никулино (Микулина). У них были гости – Игорь и другой зять. С Игорем мы вечером всё выпивали из большой тёмной бутылки крепкий жёлтый напиток. А во второй вечер часов до двух ночи (оба раза ночевали на сеновале!) я говорил с бабушкой и другой бабушкой, которая пока живёт у Толиковой бабушки». Вторая бабушка – престарелая Евдокия Алексеевна Горячева (1884–1986), о ней мой очерк «Дунечка» (8). «И я им читал стихи, знаешь, естественно так, сердечно читал, – пишет дальше В. Науменков, – и чувствовал ответное понимание, ихнее понимание. Они даже всплакнули. Днём ходил на речку, а утром в 5 часов ушли с Толей к автобусу через речку и через ячменное поле. Я мало чего там расспрашивал, всё больше смотрел вдоволь – земля и люди понятны без расспросов. Толя загорелый, как мулат, и лысый, словно Чаадаев...

И уже в обоюдодополняющих сопоставлениях встретился я с Курской землёй, где я сижу со своими стариками, читаю Рубцова – не им, а сам себе. Опасно я отдалился от своего края и неловко подёргиваю, сидя на лавочке с сельчанами. Они люди мудрые, мудрее нас с тобой. Особенно Яков Фёдорович. Он рассказывает мне басни из своей жизни. Пользуясь каким-то десятком слов, неспешно ведёт он гусиное стадо событий, вперевалочку из прошлых своих лет, охватывая глазом старые плетни вокруг конюшни через улицу и обтирая слезливые глаза кусочком тряпки. «Эх, Иваныч», – неопределённо задерживается он. И не знаешь, что за этим стоит у него: то ли вздох по иному своему шагу, то ли покойное согласие со своей дорогой, то ли, наконец, укор мне, нам, чему-то теперешнему, о чём мне трудно догадываться.хлопотно жить, но то и хорошо... Вот и вся басня. Вся мудрость в том, что под словом басня он понимает не то, что имел Крылов, – гораздо большее, – всеобъемлющий смысл...

Вот, в принципе, мои дела. В леса и на речку из-за дождей не ходил. Зина работает в колхозе киномехаником и варит дома варенье из малины, крыжовника и вишен – у них здесь свой сад.

Тут, в деревне, пришёл какой-то хороший покой. В Москве я всё-таки инородец, хоть желаемый, но инородец. Написал там, а здесь почти закончил довольно странное для себя стихотворение. Напишу его тебе («Покинув родные места...». – В. П.). Посетил я Коломну и Александров – там монастыри, башни, храмы и полуразрушенные стены их. Запали в меня они, хочется написать. А деревню воспринимаю всю пока в целом, без частных. Придут частности, может быть, тоже захочется написать.

Сиюю сейчас на пеньке во дворе полуголый. Зина сварила варенье, носит воду из колодца, стиркой занимается. Яков Фёдорович отдыхает в тени дома, а мать ходит-суетится, всем советы даёт, учит всех. Зина не выдержала и говорит: «Мам, чего ты в шерстяных носках ходишь, не жарко тебе?» (Солнце печёт!) Так она сразу цыкнула на неё: «Сиди ты, жарко, это вам жарко от ничегонеделания, а мне не жарко...» Она же минуты не посидит, и снова вышла с большой железной кружкой во двор и говорит Зине: «Давай, а то умрёшь, и напиться нечего будет». Попила и пошла в сарай кашеварить. Суповарством она занимается целый день и ещё всех критикует, гоняет мух тряпкой и мухобойкой и ругается, чтобы закрывали двери, в хату мух не напускали. Здоровье её пока нормальное.

Вообще-то я не думал, что мать у меня такая оригинальная. Яблоки не ест, говорит: до Спасу нельзя – грех (в бога верит). А сама в святой угол поставила табуретку с плиткой борщ варить. Когда кастрюля закипела, я говорю: «Мам, кто ж в святом углу борщ варит!? Смотри, пар валит, иконы совсем не видно, бога же не видно». Она рассердилась, унесла всю затею в сарай на керосинку. Слышу – ругается: «Сын, – говорит, – эвакуировал мать с борщом из хаты, пар ему не нравится, за бога взялся...» Вот он, примитивный и прекрасный деревенский быт! Как?!

...Надо заканчивать письмо. Все передают тебе большой привет. А мать подошла, ревниво посмотрела на листы, говорит: «Привет Валентину от меня передай!»

Привет всем твоим домашним, на работе и другим. Рита (Маргарита Ивановна Белова. – В. П.) в Москве. Может быть, приедет сюда...»

В начале октября того же года, за пару месяцев до возвращения на Камчатку, В. Наumenков написал мне из Москвы. «Был в литинституте на семинаре, там обсуждали цикл стихотворений Владимира Ноговицына. Я к ним заходил несколько раз, и парня этого знаю. Посылаю тебе цикл, который обсуждался на семинаре Смирнова. Володя учится на 4 курсе. Путь его пересекался в Донецке с Ник. Зайцевым...

Был в Ярославле. Ритины родственники – прекрасные люди, мне понравились. И живут они пригородно и вольно. Будут новости – сообщу сразу».

Последнее Наumenковское письмо, хранящееся у меня, датировано 19 августа 1979 г. Он был тогда в отпуске на материке, а душа – на Камчатке, где в местном отделении Дальиздата готовился к печати его первенец – небольшой поэтический сборник «У этих каменных берёз», и автор очень волновался за него...

«Валя, здравствуй! Наконец-то пишу тебе. Считаю, обжился теперь в деревне. Был у Лима (камчатский прозаик. – В. П.) в Москве, потом в Донецке у Зайцева. Лим стажирется в «Комсомолке»... В Донецке ходили в их союзпис, водку пили. Николай мою рукопись повертел, полистал, посмеялся над заголовком и признал стихи «каменными». Но на этот счёт у меня своё мнение, и о русской поэзии, и о своей. Правда, посмотрел у него ряд книг на предмет техники стихосложения (Блока, Брюсова, Алексея Югова – о русском слове и др.). И странное дело – все мои вольности в слове, а их у меня не так много, могло быть больше, – не только не исключаются мастерами слова, наоборот, полностью совпадают и даже являются магистральным путём в творчестве.

Когда я прибыл домой в деревню, был обрадован твоими письмами, которые мне мать подала чуть ли не на полотенце, как праздничный пирог. И всё потом вспоминала о тебе. Представили тебя хорошо. Пора в поэтической Камчатке сделать номерную перестановку, которую сделала наша газета (9).

Я тоже здесь поднаберусь сил. Осмотрелся я тут, сверил ориентиры. А старых людей слушать – даже не годится русская классика. Думаю записать песни. Но сколько буду здесь, не знаю... Теперь, как дела у Жени (заведующий Камчатским отделением Дальиздата Е. В. Гропянов. – В. П.) с книжкой. Я пока буду сидеть в Банищах. Если Жене нужно что, адрес я ему оставил. Как дела в Орловской губернии?» То есть, как там Толик Саньков, радуется ли новыми виршами?

И тут же В. Науменков «даёт на зуб» мне свои наброски, которые станут вскоре «Толокой» и войдут в его второй сборник «Птицы-зарницы»; сборник увидит свет в Петропавловске-Камчатском в 1985 г.

«Валя, вот три кусочка. Не знаю, как будет дальше, много ли, мало. Хотел бы узнать твоё мнение. У меня криво написано, отпечатай для себя да посмотри. Толока с ударением на последнем слоге. Не знаю, как у Даля на сей счёт, а в деревне – это когда толпой, всем миром бесплатно кому-то делают большую работу, которую в одиночку не сделаешь, да и средств не хватает. Делают бесплатно. Правда, хозяева всех кормят-угощают.

Сегодня здесь праздник – 6 августа по-старому Спас. Мы всей семьёй посидели. Яков Фёдорович ходил в магазин, взял бутылку русской по такому случаю. ...Зина тоже здесь в отпуске... Мать чувствует себя пока ничего. Видел ли рисунок обложки для книги? Как он выглядит? Если нет – спроси Женю. Обнимаю тебя. Володя».

Пока все эти письма у меня. Полагаю, комиссии по наследию русского поэта В. И. Науменкова удастся открыть его личный фонд в Камчатском краевом госархиве, а если нет – передам их в музей. Чтобы они были доступны исследователям и использовались как документальный материал к ненаписанной творческой биографии Владимира Науменкова – одного из лучших поэтов, когда-либо живших на Камчатке.

1. ЦВМА. Ф. 1693. Оп. 117. Д. 17.
2. Новокрещёнов В. Его будет знать вся Россия // Вести + ТВ. – 2002. – 28 авг. – С. 11.
3. Там же.
4. Там же.
5. Павлова В. Золотая ссылка // Вести. – 2000. – 21 апр. – С. 4.
6. Новокрещёнов В. Указ. соч.
7. Гранин Д. Два лика // Новый мир. – 1968. – № 3.
8. Пустовит В. Солнце изнутри: проза поэзия / В. Пустовит. – Петропавловск-Камчатский, 2006. – С. 285–289.
9. Лирика Валентина Пустовита // Камчат. комсомолец. – 1979. – 30 июня. – С. 3.